

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
CARNEGIE ENDOWMENT
FOR INTERNATIONAL PEACE

Стенограмма

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА МОЛДОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО- МОЛДАВСКИХ ОТНОШЕНИЙ

27 МАЯ 2010
16:30 — 18:30
МОСКВА

МОДЕРАТОР:

Дмитрий Тренин

ВЫСТУПАЮЩИЙ:

Юрий Лянкэ

Тренин. Дамы и господа! Для меня сегодня особый день. Мы имеем удовольствие принимать в нашем центре министра иностранных дел Республики Молдова господина Юрия Лянкэ и сопровождающих его лиц: господина посла Молдовы в Российской Федерации Андрея Негуцу, высокопоставленных сотрудников посольства и Министерства иностранных дел Республики Молдова.

Сегодняшняя тема для разговора — внешняя политика Республики Молдова, перспективы российско-молдавских отношений — является очень актуальной для нас здесь, в Москве, для Молдовы, поскольку сейчас, почти два десятилетия после распада Советского Союза и образования независимого молдавского государства, возникли новые реалии в этой части Европы, которые не вполне согласуются с разными ожиданиями, которые были у людей двадцать лет назад, и пятнадцать, и десять, и даже пять лет тому назад. Мы видим другую среду, мы видим другую динамику в Европе, мы видим другую динамику в России. Это требует сверки часов, это требует более внимательного отношения к тому, что происходит, это требует более глубокого знания того, что происходит у наших соседей.

Ну а наши соседи заинтересованы в том, чтобы лучше узнать, как себя позиционирует Россия в этом регионе Европы, каковы ее интересы, каковы направления ее политики. Причем не только что думает официальная Россия, но что думает более широкое сообщество людей, которые занимаются внешней политикой, которые генерируют идеи, которые так или иначе могут быть использованы для реализации внешней политики.

Вот в таком контексте для нас сегодня особый интерес представляет ситуация в российско-молдавских отношениях. Учитывая и близкие традиционные связи России и Молдавии, и учитывая те проблемы, которые существуют в Молдавии, и участие России в решении этих проблем. Наверное, нет лучшего собеседника на эту тему, чем глава молдавского внешнеполитического ведомства. Кстати говоря, я прошу прощения, это не только Министерство иностранных дел, но и Европейская интеграция, что очень важно. Я должен подчеркнуть это.

Тем более что господин Лянкэ представляет новое поколение молдавских политиков. Он представляет новое коалиционное правительство Молдавии, которое пришло на смену правительству коммунистической партии. Это новая реальность в стране. Мы с большим интересом следим за становлением демократической Молдовы, демократической Молдавии (не в смысле партии, а в смысле страны). Мы с большой радостью видим, что в Молдавии... Молдавия является одной из немногих стран бывшего Советского Союза, где смена власти осуществляется конституционным путем через выборы. Это сам по себе очень важный и интересный феномен. Так что если Вы, господин министр, являетесь не

только министром, но и политическим деятелем, представляете политическую партию, если Вы сможете или сочтете возможным рассказать немножко и об этом внутриполитическом контексте формирования внешней политики страны, мы будем Вам очень благодарны.

Пожалуйста. Я с большим удовольствием предоставляю слово Юрию Лянкэ.

Лянкэ. Спасибо большое. Должен признаться, что для меня тоже честь находиться здесь. Работая в молдавском посольстве в девяностые годы в Вашингтоне, я часто ходил на мероприятия подобного плана в Карнеги. Там еще было очень хорошо, потому что часто были working breakfast или working lunch. Можно было и покушать, и заодно интересно побеседовать. Потом, будучи замминистра иностранных дел в девяносто восьмом году и в девяносто девятом году, была возможность обсуждать с вашими коллегами. Поэтому находиться здесь, в вашем офисе в Москве, — это так же престижно и очень важно. Вы очень правильно сказали, нам нужно сделать все возможное в Кишиневе, чтобы довести свою точку зрения не только до тех, кто принимает решения, но и до тех, кто оказывает определенное воздействие на то, как принимаются эти решения.

Вы сказали, что я представляю новое поколение политиков. Я еще не считаю себя полностью сформировавшимся политиком. Я считаю, что у меня инстинкты дипломата, наверное, сильнее, чем политика. Но я учу. Это не такая легкая профессия, довольно-таки тяжелая, обременительная. Посмотрим, что получится.

В том, что касается названия МИДа, я, честно признаться, хотел, чтобы МИД назывался МИДом без вот этого добавления «Европейская интеграция». Наверное, это такая дань старой моде. Но мои коллеги сочли, что мы должны показать и в названии министерства определенную ориентацию страны. Компромиссы всегда нужно находить.

Вы определили нашу тему сегодняшнего дня: внешнеполитические приоритеты Молдавии и взаимоотношения Кишинева и Москвы. Если вы позволите, меня пригласили для того, чтобы обменяться мнениями, где находится сейчас Молдавия, каково внутриполитическое положение там.

Для того чтобы понять, где мы сейчас находимся, если вы мне позволите, очень кратко скажу, какую Молдавию мы нашли у себя, когда пришли к власти после выборов июля 2009 года.

Мы нашли страну в сильно плачевном положении, на мой взгляд. Это не только самая бедная страна в Европе в том, что касается ВВП на душу населения, но это

тоже политическая система полностью деформированная. По конституции является парламентской страной, но де-факто являлась страной с авторитарным режимом, где один человек в принципе решал все, где разделения властей в принципе больше не существовало, где институты власти имели уже другую логику своей деятельности.

В результате этой деформации политической системы у нас была полностью деформирована и экономическая система, экономическое положение вещей. Все основные направления, цель наших бывших властей была в том, чтобы контролировать все, контролировать, как люди думают, как люди делают деньги, и не допускать больших притоков капитала, потому что это могло создавать какие-то новые центры, альтернативы.

Я верю в это, и у меня есть этому доказательства.

Это же имело большое прямое влияние и на то, как институты власти понимали, что означают права людей, что означают демократические власти и как они должны функционировать.

И то, что у нас произошло седьмого апреля в прошлом году, вот эти массовые беспорядки, к сожалению, которые закончились смертью по крайней мере одного человека, большим попиранием прав в большом количестве, прав человека. Оказалось, что у нас система полностью изжившая себя, что нам нужно кардинально менять все: и то, как действует наша полиция, и то, как действуют наши спецслужбы, и то, как действует наша юридическая система. Потому что в те дни иногда было такое впечатление, что ты смотришь фильм о сталинском времени, когда эта тройка созывалась и принимала решения по каждому человеку, буквально, не на суде, а прямо в полицейском участке. Вот какую страну мы приняли на себя.

Говоря о внешней политике и о взаимоотношениях Молдавии со своими соседями, с основными игроками — безусловно, вам хорошо известно, что с нашим западным соседом, с Румынией, за восемь лет мы вышли от одного кризиса к другому кризису. Взаимоотношения с Украиной... Даже если они не были настолько очевидны, но кризисное положение вещей, отсутствие какого-то политического диалога, в результате этого накопление проблем, и проблем, которые несли в себе очень большой негативный заряд, — все это было довольно-таки очевидно.

Поэтому в июле прошлого года, когда бывшее правительство решило ужесточить правила передвижения для молдавских граждан, пересекающих границу Украины, с тем чтобы... они должны были доказать, что у них 1200 евро, а в Молдавии это

очень большие деньги, вы представляете, какой это имело эффект на граждан Молдавии.

Я могу вам привести только одну цифру. В 2009 году граждане Молдавии пересекали границу с Украиной 3,8 миллиона раз. То есть если бы... И все опять же из-за отсутствия желания или понимания необходимости со стороны Кишинева, что Киев для нас очень важный партнер.

Наши взаимоотношения с Москвой мы потом обсудим. Но в принципе, если посмотреть, как они развивались за восемь лет, от большой любви в 2001 году, когда Владимир Воронин заявил о том, что мы сейчас присоединимся к союзу России и Беларуси... Потом мы прошли через этот кризис после неподписания меморандума Козака. Потом, как и в любви между двумя людьми, опять же у нас настал... не знаю, как назвать этот период. Потом, опять же, в 2006-2007 году пошло потепление. Я не знаю, если Москва хочет иметь таких совершенно непредсказуемых партнеров, но для маленькой республики, как Молдавия, иметь такие взаимоотношения и с Москвой, и с Украиной, и с другими соседями, намного больше по территории, по потенциалу экономическому и политическому, — это самоубийственно. И тот факт, что после неподписания меморандума мы потеряли сотни миллионов долларов из-за отсутствия рынка сбыта и так далее, — это показывает, что такую политику в принципе вести нельзя.

С Европейским союзом — опять же, когда мы сформировали правительство, наши взаимоотношения были заморожены. Не было отношений из-за введения визового режима для румынских граждан.

И последнюю точку в этом плане освещу, говоря о наших взаимоотношениях с Вашингтоном. Вы знаете, американцы, когда ты с ними беседуешь, часто спрашивают: «How can I help you?». Если ты не знаешь, how you want to be helped, иногда исчезает сам предмет взаимодействия. Вот за эти восемь лет у меня такое впечатление было, что Кишинев совершенно не знал, чего он хочет от Вашингтона. Я уже не говорю о том, что, когда мы пришли к власти, миссия МВФ уехала из Молдавии без ничего. Могу только добавить тот факт, что если во всем мире кризис существовал, то, согласно точке зрения бывшего молдавского правительства, экономический и финансовый кризис Молдавию не затронул. Мы были таким островком стабильности в этом большом океане, полном цунами. Почему — это ясно. Готовились к выборам пятого апреля, первым выборам. Нужно было доказать, что благодаря мудрой политике руководящей партии у нас все хорошо и мы готовы к этому кризису. Вследствие чего, когда мы создали правительство, безусловно, мы боролись не только с кризисом, но уже с последствиями кризиса, что поставило нас в еще более тяжелые условия.

Что нам удалось с двадцать пятого сентября по сегодняшний день? Это восемь с чем-то месяцев. Я думаю, что с точки зрения внутреннего развития у нас, по крайней мере, уже не существует больше этой боязни, что с тобой может случиться все что угодно, если ты как-то выставляешь себя оппонентом власти. У нас, несмотря на то... Вы подчеркнули, что Молдавия, наверное, уникальный случай, за исключением прибалтийских стран, на постсоветском пространстве, где смена власти идет демократическим путем.

Но еще у нас интересный опыт — у нас уже второй опыт коалиционного правительства. С одной стороны, это хорошо. Это показывает определенную не мудрость еще, до мудрости нам далеко, но понимание взаимодействия, понимание нахождения каких-то компромиссов и возможностей поработать вместе. Это показывает, что у нас политическая система более-менее... еще не сформирована, но идет в правильном направлении.

С другой стороны, безусловно, иметь четыре партии, у которых различные и внешнеполитические объективы часто, и внутривнутриполитические, — это не самое легкое дело. Особенно когда ты получаешь страну в таком плачевном состоянии. И особенно когда... Вот у нас сейчас уже не за горизонтом перспектива досрочных выборов.

Но, тем не менее, то, что называется на английском языке checks and balances, разделение властей, — у нас это уже более-менее явно является реальностью. Это уже определенный очень позитивный фактор, на мой взгляд. Безусловно, наша судебная система еще не стала тем независимым институтом власти. Для этого нам нужно приложить еще больше усилий, потому что сопротивление со стороны представителей этой власти такое большое, что за семь-восемь месяцев мы так и не смогли преодолеть вот это внутреннее сопротивление. Буквально на прошлой неделе в первом чтении парламентарии высказались, допустим, за то, чтобы так называемые экономические суды были ликвидированы. А это один из основных элементов коррупционной системы. Но, опять же, нам предстоит еще большая борьба, большой длинный путь.

Массмедиа. С тех пор у нас появились новые независимые телевизионные станции. У нас сейчас с утра до вечера можно смотреть различные ток-шоу. Публичное телевидение наконец-то работает как публичное телевидение, а не как телевидение одной партии. Люди даже шутят, что они сейчас даже больше видят Воронина и представителей компартии на нашем телевидении, чем это было во времена, когда они были у власти. Это для меня позитивный показатель в том плане, что сейчас

более-менее принцип объективного освещения того, что происходит в Молдавии, объективной информации для наших граждан — более-менее сейчас это работает.

Экономика. Безусловно, сейчас у нас налачился определенный крен в лучшую сторону. Есть определенный рост — два с чем-то процента экономического роста. Растет экспорт. Но, учитывая, через что мы прошли, проблем у нас еще очень и очень много. Мы согласились с МВФ, когда они пришли к нам с миссией в октябре. Буквально неделю назад они от нас уехали. Пока все, о чем мы договаривались, все основные параметры мы выполняем, потому что это в первую очередь интересно для нас — сделать нашу экономику функциональной и создать нормальные предпосылки для дальнейшего роста.

Безусловно, проблема с выборами создает новые дополнительные проблемы, потому что когда... У нас уже были двое выборов в прошлом году. Мы говорили об ожиданиях. Особенно у нас. Почти девятнадцать лет независимости. Мы так и не смогли увидеть до сих пор свет в конце туннеля. Из-за этого люди... Меня как-то спрашивали года четыре назад иностранцы: почему у вас при таком плачевном социальном положении не видно никого на улице, чтобы они протестовали? Потому что люди просто уезжают, и в Россию, и на Запад. А количество тех, кто уехал... У нас статистика, как вы знаете, не самая лучшая в этом плане. Наверное, даже тяжело найти объективную цифру. Но от полумиллиона до миллиона. Вот такое большое колебание цифр. Но это очень большое число людей, самых активных, тех, кто мог бы в принципе содействовать развитию нормальной экономики.

Как добиться того, чтобы эти люди поверили в будущее этого государства, и не просто в будущее, а в стабильное европейское будущее, — вот это одна из наших основополагающих задач. Задача этого правительства состояла в том, чтобы мы добились модернизации, чтобы мы вытащили страну из этого кризиса, из этого постоянного тупика, и доказали людям, в первую очередь нашим гражданам, что есть перспектива. Нужно сейчас чуть-чуть затянуть ремень, но через два-три года у нас появится эта перспектива. Для этого нужно не только иметь хорошие результаты, нужно еще и хорошо общаться, что называется, communication с нашими гражданами. У нас в этом плане еще есть определенные проблемы, но некоторые достижения есть. Модернизация для нас — синоним с европеизацией. И вот я сейчас плавно перейду к внешней политике.

Вы, наверное, знаете, что по всем опросам общественного мнения примерно 70% граждан Молдавии постоянно выступают за европейское будущее Молдавии, за членство Молдавии в Европейском союзе. Наверное, исходя из этого любой

политик или партия, которая хочет чего-то добиться, должна быть на этой волне, должна сделать так, чтобы эта цель постепенно становилась реальностью.

Исходя из этого и из того, что мы с моими коллегами считаем, что нет альтернативы для модернизации Молдовы, чем через этот путь, потому что есть уже очень позитивный опыт наших западных соседей, которые прошли этот путь и для которых европейская интеграция обозначала сильнейший стимул для проведения всех этих реформ, и в политическом плане, и в экономическом плане, и в социальном плане, и в плане реформы того, что называется security sector, начиная с полиции, судебная система и так далее.

Но, безусловно, мы потеряли много времени. К сожалению, за восемь лет наши предшественники, вместо того чтобы работать над этим, только платили, так сказать, boom service этой моде по европейской интеграции. На самом деле ничего не происходило.

Если мы себя раньше сравнивали с нашими западными партнерами, придя к власти, мы должны были себя уже сравнивать с украинцами. И мы еще раз убедились в том, что украинцы начали переговоры по тому же договору об ассоциации с Европейским союзом на два с половиной года раньше нас. Это дало им определенные преимущества и в том, что касается диалога по визам, и в том, что касается зоны свободной торговли, и в том, что касается намного более наполненных содержанием и субстанцией отношений с Европейским союзом.

Поэтому для нас было очень важным сделать так, чтобы все реформы, которые мы начали проводить, были бы еврокомфортны, то есть соответствовали нашим нынешним и будущим обязательствам в рамках Европейского союза. Допустим, начиная с либерализации воздушного пространства. У нас существовала монополия. Бюджет ничего не получал, а граждане платили самые высокие цены на тарифы. Вот монополия существовала, и бюрократы еще и сегодня хорошо живут. Поэтому нам нужно все это менять.

Опять же, совершенно было очевидно, что мы попытаемся очень быстро установить отношения с Европейским союзом и наладить качественно новое сотрудничество. Я думаю, что нам в принципе это удалось.

Буквально в понедельник я был в Сопоте. Я там не пел, не участвовал на фестивале. У меня нет голоса, к сожалению. Мы там участвовали на конференции «Восточного партнерства» и министров иностранных дел Европейского союза. Мне было очень приятно слышать, по крайней мере в беседах за кулисами, что Молдавия чуть ли не стала сейчас таким передовиком производства в этом плане.

И с точки зрения того, как мы продвигаемся в двухстороннем формате, предусмотренном «Восточным партнерством», дискуссии по поводу этого договора об ассоциации, и как мы проводим реформы в различных областях.

Это вот позитивное видение действий правительства позволило нам, когда мы встречались с донорами в марте этого года (к сожалению, Молдова пока что зависима, так сказать, сидит на донорской игле), вот это позволило... с другой стороны, видение, как нам хотелось бы дальше решать и строить Молдавию, позволило нам добиться минимальной суммы в 2,6 миллиарда долларов на следующие 3-4 года от наших основных партнеров. Мы там представили видение Молдавии, как мы ее видим через 3-4 года, представили документ, который называется на английском языке «We Think Moldova». Не знаю, как это лучше бы звучало по-русски. И вот у нас сейчас есть определенный большой потенциал взаимодействия с Европейским союзом.

Но что будет дальше, когда мы сможем добиться европейской перспективы, то есть когда мы станем из просто страны-соседа кандидатом, — я сегодня не могу на это ответить, потому что если бы у нас не было вот этой перспективы выборов, наверное, можно было бы как-то более оптимистично и более четко делать какие-то предположения. А учитывая тот факт, что у нас будут выборы, учитывая тот факт, что я еще не уверен, что процессы демократизации у нас уже... что мы перешагнули вот эту точку невозврата в прошлое, то, наверное, наивно и не совсем ответственно делать какие-то прогнозы. Я думаю, что после выборов, если они у нас состоятся, допустим, осенью, у нас сохранится более-менее такая же коалиция, мы будем работать в таком же плане, нужно еще посмотреть, как будет развиваться положение в рамках самого Европейского союза. Но я довольно-таки оптимистично считаю, что за два-три года мы смогли бы уже добиться признания европейской перспективы для Республики Молдавия.

Вы говорили, что сейчас, на ваш взгляд, желания расширяться там все меньше и меньше.

Реплика. Да.

Лянкэ. Мое ощущение чуть-чуть другое. Я бы не стал, опять же, называть какие-то конкретные цифры, но я считаю, что и мы, и они заинтересованы в создании того, что называется success story. И мы хотим, чтобы мы стали такой успешной страной, потому что это им важно, и я надеюсь, что нашим восточным партнерам тоже будет важно.

Еще буквально два-три слова о наших взаимоотношения с двумя нашими соседями: Румыния на западе и Украина на востоке. С Румынией самым важным для нас было поменять тональность, перейти от логики конфронтации к логике диалога. Потому что большинство проблем, которые существовали между нашими предшественниками и Бухарестом, на мой взгляд, были совершенно искусственными проблемами. И при желании, при наличии конструктивного подхода эти проблемы можно решать. И, в принципе, таким подходом мы показали, что можно иметь совершенно нормальные, хорошие, доверительные отношения.

У нас сейчас хороший диалог на всех уровнях. Мы пытаемся сейчас больше говорить о каких-то конкретных проектах. Не будем забывать, что западная граница Республики Молдавия — это восточная граница не только Румынии, но и Европейского союза. И все наши приграничные проекты с Европейским союзом означают в первую очередь — с Румынией. Создание каких-то энергетических мостов, транспортных и так далее. Опять же, это означает, что мы должны хорошо взаимодействовать с Румынией.

Определенные недоработки еще есть. Мы еще не подписали документы по режиму границы. Мы еще не подписали то, что называется базовым договором. Но мы абсолютно уверены, что если мы будем подходить в дальнейшем вот в этом позитивном ключе, то все эти проблемы будут решены, и у нас будут совершенно нормальные, хорошие добрососедские отношения.

С Украиной. Я вам уже говорил о тех проблемах, которые накопились. Как вы все хорошо знаете, в России тоже есть (или, по крайней мере, были) проблемы с демаркацией. Это все очень чувствительные проблемы. Проблемы собственности — опять же чувствительные проблемы. Поэтому, безусловно, нам было очень важно попытаться наладить хорошие взаимоотношения с Киевом, избавиться от каких-то определенных подозрений и попытаться решать существующие проблемы по демаркации и по собственности. Я думаю, что мы продвинулись неплохо.

Потом у них состоялись выборы, новая администрация у власти. И вот сейчас мы опять в периоде, когда мы налаживаем мосты. Я надеюсь, что нам удастся и с новым правительством, и с новым президентом выстраивать такие позитивные взаимоотношения. У нас нет других альтернатив. Мы кровно заинтересованы в том, чтобы наши отношения с Киевом были как можно лучше, чтобы мы решали как можно быстрее все эти проблемы, еще не решенные, и акцентировали свое внимание на том, что нас объединяет, акцентировали свое внимание на том же Приднестровском конфликте, на вопросах координации определенных действий в том, что касается европейской интеграции, на вопросах энергетики и так далее.

Сейчас с Россией. Несколько слов. Хотя это мой первый визит в моем новом качестве сюда, в Москву, но это моя не первая встреча с господином Лавровым. Он был в Кишиневе в октябре, мы с ним встречались в Афинах во время встречи министров иностранных дел стран ОБСЕ. Мы с ним изредка и по телефону беседовали. То есть у нас всегда был определенный контакт. Наши заместители встречались, были встречи на уровне премьер-министров, буквально недавно, в пятницу, в Петербурге. У нас была очень ясная, четкая линия поведения. Нам нужно выстроить с Россией очень хорошие, доверительные отношения.

Безусловно, когда мы пришли к власти, может быть, было определенное недоверие. Наверное, были и, может быть, еще отчасти есть определенные стереотипы, связанные с тем, кем являемся мы — вот этой центрально-правой партией, какие у нас внешнеполитические задачи, потому что... Я никогда не забуду, я был очень удивлен, когда один ваш коллега, не из вашего центра, но из московских институтов, приехал в Кишинев в сентябре, еще до формирования правительства, и очень серьезно пытался доказать нам, что мы придем к власти и сразу же начнем объединение с Румынией. К сожалению, это... Это может быть смешно, но это чуть-чуть грустно.

Реплика. Скажите, кто это такой.

Лянкэ. Неважно. Ломать эти стереотипы, показать, что у нас совершенно другой настрой, и в отношении Приднестровья, что мы не собираемся начинать какие-то новые войны, мы не собираемся силой заставлять их быть с нами друзьями, что мы совершенно не собираемся антагонизировать сейчас какие-то страны какими-то новыми декларациями, допустим, вхождения в НАТО. У нас достаточно проблем. Самое важное для нас — это модернизация страны, создание предпосылки для стабильного и нормально развивающегося государства. Нам очень важно не создавать дополнительные проблемы, а решать те, которые есть, и сделать так, чтобы наши партнеры хотели нам помочь, чтобы наши партнеры были заинтересованы иметь нормальные взаимоотношения, базирующиеся на признании взаимных интересов и, безусловно, если можно, на взаимном уважении.

Вот из чего мы исходим, когда пытаемся строить свои взаимоотношения с Москвой. Я думаю, что у нас налачился хороший политический диалог. Если смотреть на торговые взаимоотношения, то постепенно нам удастся решать проблемы, которые существовали последние годы. Буквально сегодня по прилете в аэропорт я встретился с молдавскими виноделами. Они очень счастливые уезжали обратно домой: вот, надеемся, что в течение июня сможем открыть еще два пропускных пункта для молдавского вина. Сегодня существует только один. Мы

поставлены не в самое лучшее положение. Я не знаю, по отношению к виноделам других стран существует...

Реплика. Нет.

Лянкэ. Нет. Не будем квалифицировать, не будем давать никакие определения. Самое важное — найти решение. И мы уверены, что мы сможем найти для этого решение. Вот очень кратко... Я бы здесь остановился. И хотелось бы, чтобы у нас был диалог.

Тренин. Господин министр, спасибо большое за это очень обстоятельное экспозе современного положения в Вашей стране, и отношения с основными игроками, и внешнеполитической ориентации страны. Я думаю, что Вы нарисовали очень интересную, динамичную картину. И она, конечно, настраивает на позитив. И мы надеемся, мы очень хотели бы, чтобы вам удалось добиться тех целей, которые вы перед собой поставили: цели модернизации страны, цели ее интеграции и, конечно, улучшения жизни людей, которые живут в Молдавии и с которыми многие из нас очень тесно связаны. На этом мы заканчиваем публичный формат и переходим к формату Chatham House.